

Александр Коломийцев

Миллионщица

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К61

К61 **Коломийцев А.**
Миллионщица / Александр Коломийцев – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2021. – 200 с.

ISBN 978-5-906184-63-4

Сборник, включающий в себя повесть и несколько рассказов о нашей с вами сегодняшней жизни. За событийным планом сюжетов ясно проступает психологическая подоплёка: характеры героев, их желания, чувства, борьба с собой, исход которой подчас непредсказуем. Эта книга – не просто увлекательное чтение, это и хороший повод задуматься над собственным внутренним миром, кипящими там страстями и противоречивыми побуждениями, – и возможно, тем самым уберечь себя от серьёзных ошибок...

ISBN 978-5-906184-63-4

© Lennex Corp, 2021
© А. Коломийцев, 2021

Александр Коломийцев

МИЛЛИОНЩИЦА

повесть и рассказы

Бич
Галчонок
По высшему разряду

издательство
Союз
писателей

<http://soyuz-pisatelei.ru>
soyuz.pisatelei@gmail.com

Издательство «Союз писателей»
Новокузнецк
2013 год

УДК 82-3
ББК 84(2 Рос=Рус)

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателей запрещается.

К/61 А. Коломийцев. Миллионщица. – Новокузнецк:
Союз писателей, 2013. – с. 200. Повесть и рассказы

ISBN: 978-5-906184-63-4

Сборник, включающий в себя повесть и несколько рассказов о нашей с вами сегодняшней жизни. За событийным планом сюжетов ясно проступает психологическая подоплёка: характеры героев, их желания, чувства, борьба с собой, исход которой подчас непредсказуем. Эта книга – не просто увлекательное чтение, это и хороший повод задуматься над собственным внутренним миром, кипящими там страстями и противоречивыми побуждениями, – и возможно, тем самым уберечь себя от серьёзных ошибок...

© Текст – Александр Коломийцев, 2013
© Иллюстрации – Алиса Дьяченко, 2013
© Издательство – «Союз писателей», 2013

МИЛЛИОНЩИЦА

ПОВЕСТЬ

- 1 -

Сумка, удерживаемая на весу, служила тараном. Мужик в ветровке, успевший первым протиснуться в дверь, матюкнулся под натиском ударного предмета и сделал лишний шаг между передними сиденьями. В середине салона, справа, оставались свободные места, и Клавдия Валентиновна Моргунова, не мешкая, – сзади подпирали менее проворные пассажиры, – заняла место у окошка. Мать отыскала её взглядом и, словно расставались на годы, встала напротив, левой рукой теребила концы платка, правой, как заведённая, совершала прощальные взмахи.

– Мадам, не позволите вашу сумочку выставить в проход?

«Сумочка» весила килограммов десять: из деревни Клавдия Валентиновна возвращалась с гостинцами: сметана, творог, домашний сыр.

«Мадам» пьяненький мужичок молвил для куражу, и Клавдия Валентиновна раздражённо бросила:

– Выставь.

Водитель громогласно приступил к сбору платы, Клавдия Валентиновна достала деньги, мужичок с готовностью передал их вместе со своими, устроился рядом, невзначай коснувшись боком, и принялся знакомиться.

– Вася!

Попутчица игнорировала протянутую ладонь и отвернулась к окну. Автобус, наконец, тронулся. Мать, уплывая назад, замахала чаще и с растерянным лицом сделала вслед несколько семенящих шагов. Дочь подняла руку, пошевелила пальцами и облегчённо вздохнула: выходные в деревне действовали на нервы.

Ежедневное нытьё с утра до вечера доведёт кого угодно. Всё соберёт. И как в колхозе одними «палочками» платили и молоко от своей кормилицы государству сдавали, а детей

ростили. Жить по-человечески начали, отцу даже «Москвичка» дали, обрадовались: всю жизнь от зари до зари горбачились, хоть на старости поживут, на тебе – новая напасть – перестройка, будь она неладна. Уже и про перестройку забыли, а жизнь всё тяжелее и тяжелее.

Господи, до чего же всё это нудно!

«Пензию» уже полгода не выдавали. На почту пойдёшь справиться – почтарка облает, как собака цепная, некормленная. На улицу выйдешь – сердце поначалу забухает-забухает, потом в яму провалится и стихает, в грудях колотьё, мочи нет терпеть, и слёзы текут-текут. И пожалиться некому, – Семён убегает, отец ворчит, – вот, только ей, доченьке, да боженьке. (В горнице второй год висела облезлая икона то ли святого, то ли угодника – Клавдия Валентиновна в религиозных делах не разбиралась).

Кто им виноват, что за «палочки» работали? Умные люди и в те годы очень даже неплохо устраивались. Из-за их, родительской упёртости, и она до двадцати двух лет дурой деревенской жила. Надои, привесы... Ей-то уж не «палочками» платили, иной год совсем даже неплохо выходило, так всё равно – в пять часов вставай и прись на эту ферму. Нет уж, выбрали такую жизнь – в навозе ковыряться, – так нечего виноватых искать. Ещё злятся, когда она правду говорит. Но нынешняя размолвка не из-за этого вышла. Деньги! Клавдии Валентиновне позарез требовались деньги, но не какая-нибудь сотня тысяч, а миллионы – два-три десятка. За «Москвичка» столько не выручить, но хоть что-нибудь. Да она потом джип японский купит вместо этой ржавчины. Так куда там – курочка ещё в гнездо не села, а она уже яйца считает. Надо же, без машины как без рук! Слушать смешно – и на покос, и по грибы, и на рыбалку, всё на ём, родимом. В город два раза в год ездит, когда мать упросит. Соседи – и те смеются: «Ты, Терентьич, в город не ездий – оштрафуют за шибко тихую езду».

Она уже и помещение под мастерскую присмотрела.

Первое время бы арендовала, потом выкупила, но оборудование-то сразу приобретать надо. Надоело батрачить всю жизнь, то на государство, то на дядю, охота и самой хозяйкой побыть. А дома не шитьё – кустарщина. Да, открыть бы мастерскую. Кем она только не была – и продавщицей, и портнихой, и штукатуром, даже массовиком-затейником в Доме отдыха подвизалась, а одно время стригла трудовой народ «под канадку». В Доме отдыха время весело летело, только от того веселья прибытку мало было. В продавщицах – другое дело, куда с добром, от того добра она другого и не искала, только вот незадача вышла, хорошо – верные люди на ухо шепнули, да вовремя уволилась.

Мысли Клавдии Валентиновны прыгали упругим мячиком, словно колёса по выбоинам давно не латанного шоссе.

До чего отец из-за «Москвича» разозлился, даже не стал свой драндулет заводить, чтобы подвезти дочери сумку до остановки. Мать проводила, но тоже осерчала, уже из-за Семёна. Сказала же один раз – пока Людка за «шалаву» не повинится, в дом к Семёну не пойдёт. Это что за мода такая – золовку шалавой называть, она, конечно, в долгу не осталась, Людка едва слёзы не утирала. Брательничек тоже – нет чтобы стерву свою приструнить, так туда же: «В ваши бабьи дела я вступать не собираюсь, как поцапались, так и помиритесь. А жизнь у тебя, Клавдюха, кручёная, по правде если говорить. То ты замужем, то не замужем, то волосья стрижёшь, то под гармошку пляшешь. И в деревне не стала жить, и в городе куда толком не пристала».

– Укачало? – мужичок возобновил приступ.

Клавдия взглянула на случайного попутчика и отвернулась к окну. На полях пылили длинные коробки сеялок, влекомые тракторами. Стая грачей беспокойным облаком пепла зависла над колком чернолесья. Зазеленевшие тополя ровными рядами тянулись вдаль, образуя клетки, пересекаясь с такими же защитками, посаженными вкрест. Сосед, не дождавшись отклика, смолк, лишь тихонько посапывал,

приваливаясь плечом, когда автобус встряхивало на рытвинах. За окном проплыли выселки, благодаря вытянутой конфигурации прозванные городскими жителями Мысками. С той стороны вокзала заголосил пассажирский поезд, потянулась городская улица. По дуге автобус подкатил к двухэтажному зданию автовокзала, плавно остановился.

Вася, ни слова не говоря, подхватил сумку неласковой попутчицы, на выходе галантно подал руку. Клавдия поневоле оглядела настырного ухажёра. До супермена тому было далеко, но выглядел вполне прилично: брюки отглажены, под серым пиджаком тонкий бежевый свитер, лицо гладко выбрито. Фигура хотя и не атлетическая – ростом не выше её, – но крепко скроенная.

– На остановку или такси?

Клавдия кивнула на остановку. Сменив руку, Вася шёл рядом.

Что с дурака возьмёшь? Охота чужие сумки таскать, пусть таскает. Сама кольнула вопросом:

– Не бойтесь, муж увидит, по шее накостыляет?

– Не боюсь, – хохотнул Вася. – У вас мужа нет.

– Это ж надо, какое ясновидение!

– Интуиция, – молвил кавалер не без мужского самодовольства и через минуту пояснил: – Я вас не в первый раз вижу. Двухэтажку в середине квартала знаете? Ну, где молочный магазин, совсем рядом с вашей коробкой, вот там во дворе автомастерская, в которой я тружусь по электрической части. Ни разу вас с мужем не видел. Всё одна да одна.

Клавдия позволила донести поклажу до двери, но в квартире не пригласила – вот ещё! Кавалер особо и не напрашивался. Подождал, пока дама отомкнёт замки, с полупоклоном протянул сумку.

– Увидимся!

Часа через полтора зашла любопытствующая соседка Вера Павловна или попросту Верунька. Клавдия готовила ужин – пекла сырники. Покушать вкусенького любила и

кулинарничала в охотку. Верунька примостилась на табуретке между столом и дверью, тараторила без умолку, а взгляд, как магнитом, притягивался трёхлитровой банкой сметаны. Дразнящий фактор перевёл разговор на злободневную тему трудностей харчевания – какие, дескать, времена пошли, в магазинах всего полно, а не укупишь. Да и разве сравнишь магазинную сметану с домашней, деревенской. Клавдия достала из шкафа литровую банку, натолкала полнёхонькую деревенского деликатеса. Соседка пожеманничала, но взяла, едва не урча от удовольствия.

– Сейчас и в городе корову держать можно, не обязательно в деревне жить, – проворковала Верунька, облизывая палец, которым обтёрла сметану с края банки.

– Это как же в городе держать – на балконе, что ли? – фыркнула Клавдия. – Вон, один комик, по телевизору показывали, в туалете поросёнка вырастил.

– Почему на балконе? В Мысках землю под застройку дают, – горячо, словно по великому секрету сообщала заповедную тайну, зашептала Верунька. – Землю у колхоза отсудили, по пятнадцать соток нарезают. Стройся, скотину разводи. Я своему говорю – давай возьмём, дом построим, скотину разведем, хоть жрать чего будет, квартиру продадим. Так куда там! Я, отвечает, не знаю, с какой стороны к корове подходить. Я тоже не знаю, так что с того? У людей бы поучились, поспросили, чо к чему. Нет, и всё тут – пока построишься, горб наживёшь. А люди беру-ут, – молвила с досадливой завистью. – Пока своего уговорю, и земля кончится.

Клавдия завершила стряпню, отложила полдюжины сырников на тарелочку, поставила перед Верунькой.

– Возьми к сметане, глядишь, разохотится твой благоверный. Что почём, не знаешь? За землю-то? – спросила так, без умысла, для поддержки разговора.

Верунька непроизвольно облизнулась, сглотнула – аромат от румяных пышечек исходил преаппетитнейший.

– Да почём я знаю. Говорят – десять тысяч за отвод: об-

мер, документы. Земля-то бесплатно, ну, потом налог посчитают. Ссуду дают на строительство.

– Это фигня – десять тысяч. А ссуду под какие проценты?

– Вот этого не знаю. Говорят, банк двух поручителей требует ещё.

Клавдия уже морщила лоб.

– Ссуда для лопухов: миллион дадут, два отдай. Деньги надо иметь, – молвила назидательно.

Спозаранку в понедельник Клавдия отправилась выполнять поручение отца. Ссора ссорой, но до бессмыслицы доходить не стоило.

Отец с матерью задумали колоть тёлку-двухлетку, в деревне продавать некому, а хотелось сбыть мясо подороже. На рынок не пошла: мафия инородцев диктовала свои условия – на продажу мясо принимали задёшево. Самим у прилавка стоять тоже не с руки. Стой и гадай – то ли всю выручку отберут, то ли половину. Имелось у Клавдии на примете заведеньице – кафе не кафе, столовка не столовка, пищеточка, одним словом. Но пищеточка с поползновениями на шик: по вечерам бегающими огоньками переливалось название – «Парус». (Каким ветром в их степи занесло этот парус?) У входа дымились жаровни с шашлыками, в летние месяцы на тротуар выставляли четыре столика под зонтами, и два лохматых существа – парень и девица – выделялись под гитару. Держал пищеточку чечено-армяно-азербайджанец Артур. (Хрен их разберёт, этих грёбанных кавказцев, кто они такие, поналезли как тараканы во все щели.)

«Офис» располагался отдельно в кирпичном домике с высокой островерхой крышей и состоял из двух комнат и узкого коридорчика. Стукнув пару раз для приличия косячками пальцев в дверь, Клавдия заглянула в кабинет. Тонкогубый горец с мощной чёрной шевелюрой сидел за